

Умръщаване бива презъгнато
во Царство Наварро.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-336 Warszawa, ul. Nowy Świat
Tel. 26-63-63

УСТРОЙСТВО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ

ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Ровно чрезъ три года послѣ отмѣны въ предѣлахъ имперіи крѣпостнаго права, послѣ дарованія Царемъ-Освободителемъ новой жизни двадцати слишкомъ милліонамъ подданныхъ, неизмѣримо-благотворная, по своимъ послѣдствіямъ, реформа внесла также новую жизнь не только въ среду крестьянъ царства Польскаго, но и въ судьбы всего края, неразрывно связаннаго съ коренною Россіей. 19-го февраля 1864 года, именными высочайшими указами (объ устройствѣ крестьянъ, о сельскихъ гминахъ, о ликвидаціонной комиссіи и о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе новыхъ постановленій), навсегда упрочена судьба многочисленнаго сельскаго населенія въ царствѣ Польскомъ, упрочена на началахъ разумныхъ, справедливыхъ, открывающихъ широкій путь къ истинному преуспѣянію и успокоенію страны, искони страдавшей отъ шляхетскаго произвола, отъ происковъ революціонной пропаганды и всѣхъ сопряженныхъ съ нею бѣдствій. Справедливо замѣтилъ „Русскій Инвалидъ“, что если все государственное зданіе той части Польши, которая вошла въ составъ имперіи, давно расшатавшееся, ежеминутно угрожало паденіемъ, то начать

построеніе новаго зданія сверху, т. е. съ высшихъ сословій, значило бы окончательно сгубить Польшу. Не менѣе вѣрна и та мысль, что изъ всего населенія царства Польскаго только крестьяне, по численности своей занимающіе первое мѣсто, сохранили свѣжія, неиспорченныя общественныя силы, и только они одни, при послѣднихъ печальныхъ событіяхъ, не измѣнили законной власти. Слѣдовательно, въ этомъ-то сословіи и заключается будущность края, и устройство его гражданскаго и матеріальнаго быта являлось настоятельною потребностію не только по причинѣ нынѣшняго положенія страны, но и вслѣдствіе всей минувшей судьбы польскихъ крестьянъ.

Доказать эту истину нетрудно.

Если исторія бывшей шляхетской республики есть печальная повѣсть непрерывнаго паденія государства, томившагося подъ гнетомъ непримѣрной анархіи, то исторія крестьянскаго сословія въ Польшѣ представляетъ безотрадную картину самаго неумолимаго поработченія и самаго возмутительнаго невольничества. Съ тѣхъ поръ, какъ народилась шляхта съ ея чудовищными правами и привилегіями, всякій шляхтичъ искренно вѣровалъ, что крестьянинъ рожденъ иначе, чѣмъ дворянинъ, и на этомъ вѣрованіи основывалъ цинически-омерзительное правило, что душа и тѣло крестьянина принадлежать господину. Лелевель, описывая положеніе крестьянъ въ королевствѣ Польскомъ и въ Литовско-Русскомъ великомъ княжествѣ, въ теченіе семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, до самаго паденія Рѣчи Посполитой, говоритъ, что угнетеніе ихъ дошло до послѣднихъ предѣловъ: называть крестьянъ хлопами казалось шляхтичамъ уже недостаточнымъ; они давали крестьянамъ названіе „отверженнаго племени Хама, осужденнаго на рабство, проклятаго изначала, какъ только оно вышло изъ Ноева ковчега“.

„Мы едва различаемъ крестьянъ—писалъ король Станиславъ Лещинскій, находясь во Франціи, послѣ потери престола — отъ рабочаго скота, которымъ они пахутъ наши поля. Часто мы менѣе щадимъ силы крестьянъ, чѣмъ силы животныхъ, и еще чаще мы ведемъ ими постыдный торгъ, продавая ихъ господамъ столь же жестокимъ, которые, посредствомъ непомѣрнаго труда, возмѣщаютъ на нихъ цѣну ихъ новаго рабства. Я не могу вспомнить безъ ужаса законъ, по которому каждый шляхтичъ, убившій крестьянина, подвергался только штрафу въ 15 франковъ (около 4 р. сер.). Мы считаемъ крестьянъ существа-

ми иной породы и почти отказываемъ имъ въ правѣ дышать однимъ съ нами воздухомъ.“ (*)

Послѣдній польскій король, Станиславъ Понятовскій, сдѣлалъ было попытку улучшить хотя чѣмъ-нибудь ужасающую судьбу крестьянскаго сословія. Въ проектѣ новаго кодекса гражданскихъ законовъ, написанномъ, по его порученію, Андреемъ Замоискимъ, предлагались нѣкоторыя облегченія въ пользу крестьянъ, не касавшіяся, впрочемъ, ни отмѣны барщины, ни измѣненія другихъ повинностей: вся льгота ограничивалась тѣмъ, что кодексъ подчинялъ крестьянъ общему суду, вмѣсто собственнаго суда помѣщика, предлагалъ учредить сельскія школы для ихъ образованія и предоставлялъ свободу труда тѣмъ крестьянамъ, которые не состояли на барщинѣ и не входили въ составъ тягла. Чѣмъ же кончилась попытка короля Станислава? Когда, въ 1780 году, кодексъ былъ представленъ сейму, все собраніе пришло въ неописанное бѣшенство. Познанскій депутатъ Сокольниковскій бросилъ на полъ три тома кодекса, топталъ ихъ ногами, проклиналъ и новый законъ, и его составителя. По предложенію короннаго маршала князя Любомирскаго и волынскаго депутата Каминскаго, среди изступленныхъ криковъ и ругательствъ депутатовъ, обвинявшихъ Замоискаго въ измѣнѣ отечеству, въ посягательствѣ на шляхетскую вольность и права, сеймъ объявилъ кодексъ достойнымъ сожженія чрезъ палача и отвергъ его, не приступивъ даже къ разсмотрѣнію (**).

Съ такими вѣрованіями и съ такими убѣжденіями и рушилась Рѣчь Посполитая, будто на смѣхъ похвалявшаяся своею вольностію. Все это факты, извѣстные всякому, кто хотя немного знакомъ съ польскою исторіей; но, быть можетъ, не всѣмъ извѣстна безспорная теперь историческая истина, что Польша, во время господства своего надъ западною Русью, вслѣдствіе соединенія своего съ Литовско-Русскимъ великимъ княжествомъ, оставила въ наслѣдіе сначала западной, а потомъ и восточной половинѣ русской земли крѣпостное рабство и перенесла, въ среду русскаго народа дотолѣ неизвѣстныя ему слова: *холовъ, хамъ, челядь* (***).

(*) «Польская цивилизація и ея вліяніе на западную Русь» *Θ. Еленева*. Спб. 1863 г. Стр. 46.

(**) Тамъ же, стр. 46—47.

(***) Любопытныя изслѣдованія объ этомъ помѣщены въ названной брошюрѣ г. Еленева.

Крѣпостное право пустило такіе глубокіе корни во всѣхъ мѣстностяхъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Польскаго королевства, что на нашихъ глазахъ польскіе помѣщики западныхъ губерній, гдѣ донинѣ преобладаетъ русскій элементъ, противо-дѣйствовали всяческими іезуитскими ухищреніями освобожденію крестьянъ, уклонялись отъ составленія уставныхъ грамотъ, и многіе изъ нихъ приняли дѣятельное участіе въ мятежѣ.

Въ царствѣ Польскомъ крѣпостное право, созданное своекорыстіемъ, гордостію и деспотизмомъ шляхты, хотя и было отмѣнено по названію еще до присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи, но на дѣлѣ оно продолжало господствовать со всею своею обстановкою до указа 19-го февраля 1864 года, и только теперъ польскій крестьянинъ можетъ назвать себя свободнымъ гражданиномъ, благословляя имя своего Царя-Освободителя.

По нынѣшнимъ обстоятельствамъ края, на долю военныхъ начальниковъ выпадаетъ важная задача: разумно и сознательно содѣйствовать видамъ правительства по новому устройству быта земледѣльческаго сословія въ царствѣ Польскомъ. Эта задача можетъ быть разрѣшена успѣшно только при ближайшемъ знакомствѣ со всѣми главными условіями прежней судьбы крестьянъ царства и съ основными началами постановленій, дающихъ новое направленіе ихъ быту.

Для большей ясности, настоящая статья раздѣлена на два отдѣла: въ первомъ представленъ историческій очеркъ положенія крестьянскаго сословія со времени присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи, во второмъ объяснены сущность и значеніе реформы.

I.

Пока Польша была самостоятельнымъ государствомъ, крестьяне не пользовались никакими гражданскими правами: это были, въ буквальномъ смыслѣ, рабы, надъ которыми владычествовалъ произволъ ясновельможнаго нляхетства. Послѣ третьяго раздѣла Польши, въ тѣхъ частяхъ ея (въ нынѣшнихъ губерніяхъ Радомской и Люблинской), которыя достались Австріи, личное рабство и подданническія отношенія къ помѣщикамъ были прекращены австрійскимъ правительствомъ; но устроить хозяйственный бытъ крестьянъ оно не успѣло. Въ той же части, которая отошла къ Пруссіи (нынѣшнія губерніи Августов-

ская, Плодкая и Варшавская), подданническія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ сохранились, впрочемъ подъ покровительствомъ верховной власти, чего не было въ Польшѣ, и, кромѣ того, прусское правительство признало за крестьянами право неотъемлемаго пользованія землею. Личное освобожденіе крестьянъ въ областяхъ, образовавшихъ Варшавское герцогство, принадлежитъ Наполеону: четвертою статьею конституціоннаго устава 22-го іюля 1807 года, вмѣстѣ съ отмѣною рабства, всѣ обыватели были признаны равноправными. Въ томъ же году, декретомъ 21-го декабря, король саксонскій, герцогъ варшавскій, предоставилъ крестьянамъ право свободного выхода изъ имѣній, съ тѣмъ, что они могли удержать за собою занятую землю *на одинъ годъ*, отбывая прежнія повинности. Такія права и преимущества были однако чисто-номинальныя: за помѣщиками не только осталось право распоряжаться землею, но самый усадебный инвентарь крестьянъ (земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, зерно на посѣвъ) былъ признанъ собственностію землевладѣльца. Даже право крестьянъ удержать за собою занятую землю на одинъ годъ не повело ни къ какому существенному результату, потому что по Наполеонову гражданскому кодексу, введенному въ Польшѣ 1-го мая 1808 года, всѣ прежнія постановленія объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ были замѣнены статьями кодекса „о наймѣ по условію“; а эти статьи не допускали ни безсрочнаго найма земли, ни платы за землю работами. Всѣ юридическія и хозяйственныя основы сельскаго быта поколебались, влѣдствіе того, разомъ.

Видя себя въ такомъ необезпеченномъ положеніи, крестьяне, въ нѣкоторыхъ областяхъ, стали кочевать съ мѣста на мѣсто; опустѣлыя же усадьбы ихъ окончательно присоединялись къ собственно помѣщичьимъ (фольварочнымъ) землямъ. Между тѣмъ, высокія цѣны на хлѣбъ, существовавшія съ 1815 по 1821 годъ, побуждали помѣщиковъ, въ виду вѣрныхъ выгодъ, увеличивать запашки и приобѣгать къ наемнымъ работникамъ, и такъ какъ послѣдствія показали, что было выгоднѣе имѣть безземельныхъ батраковъ или мелкихъ хозяевъ (халупниковъ, коморниковъ), нежели зажиточныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, то удалять послѣднихъ изъ ихъ усадебъ мало по малу вошло въ обычай. Въ то же время начались первые опыты такъ называемаго устройства имѣній, то есть разверстанія и обмѣна

угодій, и лучшія земли, въ огромномъ количествѣ, отошли отъ крестьянъ безвозвратно.

Съ рѣдкою настойчивостію стремясь къ извлеченію наибольшихъ выгодъ изъ своихъ земель, польскіе помѣщики постепенно увеличивали повинности крестьянъ. Преимущественно они налегали на принудительные наймы (*) и даремщины, т. е. работы сгономъ, независимо отъ недѣльной барщины, а чтобы держать крестьянъ въ болѣе тѣсной отъ себя зависимости, ввели въ обычай сдавать усадьбы не болѣе какъ на одинъ годъ, много на два или на три года. Барщина сдѣлалась преобладающимъ видомъ крестьянскихъ повинностей. Между тѣмъ, гражданское уложеніе не признавало ея; слѣдовательно, въ случаѣ накопленія недоимокъ, нельзя было вѣдаться съ крестьянами судебнымъ порядкомъ, и потому помѣщики, въ качествѣ гминныхъ войтовъ, употребляли административныя мѣры взысканія, переходившія въ произволь. Нечего пояснять, что подобное положеніе дѣль не могло способствовать благосостоянію сословія крестьянъ и что, напротивъ, оно должно было довести ихъ до разоренія, развить между ними безпечность, лѣнь. Но и это не смутило польскихъ помѣщиковъ; они и тутъ умѣли соблюсти свои выгоды тѣмъ, что стали вытѣснять своихъ крестьянъ или переводить ихъ въ разрядъ батраковъ, а на ихъ мѣсто водворятъ, по вѣчнымъ или долгосрочнымъ контрактамъ, нѣмецкихъ колонистовъ, которые платили чиншъ въ недоступномъ для туземныхъ крестьянъ размѣрѣ.

Въ такомъ положеніи находились помѣщичьи крестьяне царства Польскаго въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Если русское правительство, въ промежутокъ времени съ 1815 до 1846 года, не заявляло намѣренія улучшить ихъ бытъ, то, вѣроятно, потому, что они считались свободными и равноправными, и можно было предполагать, что чрезъ добровольныя сдѣлки съ помѣщиками равновѣсіе интересовъ установится само собою. Этого не случилось. Даже событія 1830 года не измѣнили ничего въ тяжкомъ положеніи сельскаго населенія, страдавшаго подъ гнетомъ той самой крамольной шляхты, которая принимала въ мятежѣ 1830—1831 годовъ такое дѣятельное участіе. Держась системы невмѣшательства между двумя сословіями,

(*) Т. е. право требовать, во всякое время, на свою работу, крестьянъ, съ платою по низкой цѣнѣ, заранѣе опредѣленной самимъ помѣщикомъ.

русское правительство обратило вниманіе только на лучшее устройство быта крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ казенныхъ и маіоратныхъ, пожалованныхъ русскимъ владѣльцамъ на основаніи указа 4-го (16-го) октября 1835 года. Въ казенныхъ имѣніяхъ, земля, занятая крестьянами, признавалась неприкосновенною и не могла быть отбираема у нихъ арендаторами; повинности, съ 1817 года, были значительно облегчены уничтоженіемъ всѣхъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ; съ 1841 года было приступлено къ *очиншеванію*, то есть къ замѣну всѣхъ крестьянскихъ повинностей денежнымъ оброкомъ, который опредѣлялся, смотря по свойству почвы, особымъ положеніемъ 1818 года о классификаціи земли. Однако очиншеваніе шло медленно: до одной четверти казенныхъ имѣній и понынѣ осталось неочиншеванною. Причина та, что, вмѣстѣ съ переложеніемъ натуральныхъ повинностей на денежные, производились разверстанія и обмѣны угодій и другія хозяйственныя операціи. Что же касается имѣній маіоратныхъ, то здѣсь устройство и обезпеченіе крестьянъ или предшествовали пожалованію, или возлагались на владѣльца какъ непремѣнная обязанность, которую онъ долженъ былъ исполнить подъ контролемъ правительства. Количество земли не только не уменьшалось для крестьянъ, напротивъ увеличивалось до *одной уво-локи на дворъ* (15 десятинъ 897 сажень), если прежде ихъ владѣніе было меньше; поземельная повинность опредѣлялась по оцѣнкѣ отведенныхъ земель, произведенной на основаніи правилъ для казенныхъ имѣній, и притомъ съ условіемъ, чтобы эта повинность не превышала существовавшей въ имѣніи прежде; усадебныя строенія и рабочій инвентарь (рабочій скоть, земледѣльческія орудія и проч.) предоставлялись въ собственность крестьянъ; крестьяне могли, по своему выбору, или платить чиншъ, или отбывать повинность инымъ способомъ; наконецъ, имъ было предоставлено право откупаться отъ всѣхъ повинностей взносомъ суммы, соразмѣрной лежавшему на нихъ чиншу.

Въ 1846 году, 26-го мая (7-го іюня), послѣдовалъ знаменательный высочайшій указъ, долженствовавшій улучшить горькую судьбу крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ царства Польскаго. Исторія примѣненія этого указа поучительна въ высшей степени, какъ неотразимое свидѣтельство того упорнаго противодѣйствія, которое указъ встрѣтилъ со стороны мѣст-

ныхъ шляхетскихъ интересовъ и мѣстной шляхетской администраціи, и той непрерывной тайной борьбы польскаго дворянства и польской администраціи, которая разразилась послѣднимъ мятежемъ. Дѣло было ведено такъ хитро, что, несмотря на высокую цѣль новаго законоположенія и на твердую волю императора Николая Павловича, указъ не принесъ и половинной доли ожидаемыхъ отъ него послѣдствій. Польская администрація и польское дворянство никакъ не хотѣли допустить, чтобы сельское населеніе обязано было своимъ благосостояніемъ русскому правительству, и потому, опираясь на всякаго рода іезуитскія ухищренія, старались истолковать въ превратномъ смыслѣ, или, по крайней мѣрѣ, нейтрализовать попеченія верховной власти о массѣ народа.

Основные начала указа 1846 года были слующія: неприкосновенность земли, занятой крестьянами, и угодій, которыми они пользовались (напримѣръ, право получать отъ помѣщика строевой дѣсъ и топливо, право пасты скотъ въ господскомъ дѣсу, собирать листья на подстилку и т. п.); облегченіе повинностей чрезъ отмену даремщинъ и принудительныхъ наймовъ; воспрещеніе помѣщикамъ увеличивать повинности крестьянъ свыше тѣхъ, которыя существовали до 1-го января 1846 года и были признаны законными по уничтоженіи даремщинъ и принудительныхъ наймовъ; упрощеніе отяготительныхъ для крестьянъ процесныхъ формъ при разбирательствѣ ихъ споровъ съ землевладѣльцами; возложеніе на административныя власти обязанности ограждать права крестьянъ, и, наконецъ, порученіе тѣмъ же властямъ содѣйствовать добровольному очиншеванію, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сдѣлки объ очиншеваніи были представляемы на утвержденіе высшаго правительственнаго мѣста.

Если бы эти основные начала указа, вполне обеспечивавшія быть крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, были исполнены въ точности, то нынѣшній чисто-шляхетскій мятежъ навѣрное встрѣтилъ бы со стороны крестьянъ дѣятельный отпоръ. Но, какъ уже сказано, мѣстная польская администрація съ перваго же дня пошла наперекоръ видамъ законодательной власти.

Первою и второю статьями указа 1846 года было постановлено, на основаніи существовавшаго въ то время факта владѣнія, что поселяне-хлѣбопашцы, обрабатывающіе на себя не

менѣе *трезъ морювъ* земли (около десятины 1,287 сажень), пользуются впредь безпрепятственно своими участками, доколѣ исполняютъ свои обязанности въ отношеніи къ владѣльцу; что владѣльцы не могутъ, по своему произволу, ни отнимать у крестьянъ участки, ни уменьшать ихъ и обязаны, не позже двухъ лѣтъ, водворять новыхъ поселенцевъ на тѣ участки, которые остались праздными по выходѣ прежнихъ хозяевъ, отнюдь не присоединяя этихъ участковъ къ своимъ полямъ.

Лишь только дошло до примѣненія закона о неприкосновенности крестьянской земли, какъ обнаружилось систематическое, со стороны помѣщиковъ, стремленіе ограничить его силу. Подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе крестьяне-хлѣбопашцы носятъ названіе колонистовъ, но въ законѣ спеціально не поименованы; что другіе живутъ на земляхъ мелкопомѣстныхъ шляхтичей, которые сами будто бы не что иное какъ пахари и потому не могутъ быть вынуждаемы къ обезпеченію быта своихъ крестьянъ; что съ третьими заключены контракты на опредѣленные сроки, по истеченіи которыхъ владѣльцы вольны отбирать земли у крестьянъ, и что крестьяне, платящіе чиншъ по соглашенію, не нуждаются ни въ какомъ особенномъ постановленіи закона—подъ всеми этими предлогами помѣщики предъявили домогательства объ изыятіи изъ-подъ дѣйствія указа 1846 года усадебныхъ участковъ, бывшихъ въ пользованіи крестьянъ всѣхъ поименованныхъ разрядовъ. Законъ 1846 года ясно поставилъ свою цѣль: оградить крестьянъ отъ обезземеленія, и буква этого закона не допускала никакихъ иныхъ признаковъ для опредѣленія изыятій, кромѣ размѣра усадьбы. Несмотря на то, высшія инстанціи царства Польскаго постепенно расширяли своими толкованіями кругъ изыятій, допуская цѣлый рядъ другаго рода основаній, напримѣръ: мелкопомѣстность, срокъ и условія сдачи земли по контракту, сословный характеръ усадебника (хотя, по дѣйствующимъ въ царствѣ законамъ, это не могло быть опредѣлено юридически), и разницу между надѣлами кореннымъ усадебнымъ и придаточнымъ, чего не было возможности подвести подъ точное опредѣленіе.

По буквальному смыслу первой статьи указа 1846 года, воспрещалось не только уменьшеніе количества земли, бывшей въ пользованіи крестьянъ, но и обмѣнъ ея на фольварочную. Въ 1847 году правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ было разрѣшено утверждать предположенія помѣщиковъ о раз-

верстаніи крестьянскихъ земель съ фольварочными въ тѣхъ случаяхъ, когда это, по мнѣнію комиссіи, могло имѣть вліяніе на улучшеніе быта поселянъ и на благосостояніе народнаго хозяйства, и не было противно указу 1846 года. Почти неодолимые трудности представились при примѣненіи этого разрѣшенія: съ одной стороны, всякое принудительное отобраніе у крестьянъ земли было противно закону; съ другой, помѣщики, въ большей части случаевъ, переносили усадьбы съ цѣлію удалить крестьянъ отъ фольварочныхъ земель, вслѣдствіе чего увеличивалась обременительность барщины. Кончилось тѣмъ, что разверстаніе производилось по произвольнымъ распоряженіямъ помѣщиковъ.

Такое же противодѣйствіе, со стороны землевладѣльцевъ, встрѣтили и другія статьи указа 1846 года. Третьею статьею уничтожались, съ 1-го января 1847 года, всѣ даремщины и принудительные наймы, не имѣвшіе законнаго основанія, и помѣщикамъ вмѣнено было въ обязанность представить такъ называемыя „престаціонныя табели“, т. е. подробныя вѣдомости обо всѣхъ отбываемыхъ каждымъ крестьянскимъ дворомъ повинностяхъ, по разрядамъ и съ указаніемъ на права, по которымъ повинности взыскиваются. Подобная табель свидѣтельствовала въ войтомъ гмины (хотя бы онъ самъ былъ помѣщикъ, представлявшій табель) и поступала на разсмотрѣніе губернскаго правленія, которое вносило ее въ комиссію внутреннихъ дѣлъ со своимъ заключеніемъ относительно повинностей, подлежащихъ отмѣнѣ. Къ сожалѣнію, упомянутою статьею закона не были опредѣлены признаки законности даремщинъ и наймовъ. По постановленію совѣта управленія, тѣ обязательныя работы, которыя не опредѣлялись ни числомъ дней, ни уроками, слѣдовательно не имѣли необходимыхъ для всякаго договора условій, должны были считаться подлежащими отмѣнѣ, равно и принудительные наймы на работу, личная служба владѣльцу, поставка припасовъ по установленной заранѣ цѣнѣ. Такимъ образомъ, отнесеніе одной и той же повинности къ разряду законныхъ и незаконныхъ зависѣло исключительно отъ формы, въ которой статья объ ней была изложена въ prestaціонной табели. Напримѣръ: повинность, выраженная въ формѣ: „крестьянинъ обязанъ рубить въ лѣсу дрова и отвозить ихъ на господскій дворъ“, или „обязанъ давать яйца“, отмѣнялась какъ незаконная; но, чтобы сохранить ее, помѣщику до-

статочно было сдѣлать заявленіе въ болѣе опредѣленной формѣ, сказать, что „крестьянинъ обязанъ *поставить на господскій дворъ полторы или двѣ сажени дровъ или дать десятокъ лицъ*“, и т. п. И многіе помѣщики успѣли замѣнить, въ табеляхъ, даремщины постоянными рабочими днями. Иные помѣщики пошли далѣе: въ періодъ времени между подписаніемъ и обнародованіемъ закона 1846 года, они вступали съ крестьянами въ письменныя сдѣлки и подписывали ихъ задними числами, или, пользуясь безграмотностію крестьянъ, сочиняли договоры, налагавшіе на нихъ самыя обременительныя повинности. На одномъ изъ журналовъ совѣта управленія, по подобному дѣлу, покойный императоръ Николай Павловичъ отмѣтилъ собственно-ручно: „и мнѣ допѣсти, потому что дѣло безчестное и виновные должны быть такими и признаны“.

Хотя, послѣ этого, совѣтъ управленія и отмѣнилъ *сто двадцать-одну статью* незаконныхъ повинностей, однако, по нѣкоторымъ статьямъ, обязанности, уничтоженныя подъ однимъ видомъ, были тутъ же возстановлены подъ другимъ. Напримѣръ: одна изъ самыхъ тягостныхъ для крестьянъ даремщинъ, работа *снономъ* въ страдную пору, или призывъ крестьянъ *толокою* либо ласкою были отмѣнены, но вспомогательные дни, для земледѣльческихъ работъ, на усиленіе барщины оставлены, а вмѣсто *сноновъ* установлены дополнительные къ еженедѣльной барщинѣ дни, при чемъ помѣщикъ имѣлъ право дѣлать нарядъ по своему умотрѣнію. Всевозможные виды караула, нарядъ для поправки дорогъ, посадка деревьевъ, выходъ на облаву во время охоты были признаны незаконными даремщинами, когда владѣлецъ требовалъ ихъ въ качествѣ помѣщика; но, какъ гминному войту, тому же помѣщику былъ предоставленъ нарядъ на устройство влотивъ и спусковъ, на ночную стражу по деревнямъ, на присмотръ за мостами, на посадку деревьевъ по дорогамъ, на облаву для истребленія хищныхъ звѣрей. Подставка подводъ, какъ даремщина, была отмѣнена; но какъ помѣщикамъ было дозволено, безъ всякаго ограниченія, наряжать крестьянъ, въ счетъ барщины, на всѣ работы, причисленныя къ разряду даремщинъ, то, въ сущности, крестьянамъ не было оказано никакого облегченія собственно въ отношеніи подводной повинности. Нарядъ подводъ производился по волѣ помѣщика, во всѣ времена года, даже въ весеннюю и осеннюю распутицу, во время жнитва, и повинность

эта сдавалась въ наемъ, какъ оброчная статья, стороннимъ промышленникамъ.

Словомъ, постановленіе совѣта управленія, 1-го (2-го) ноября 1846 года, объ отмѣнѣ даремщинъ, почти не коснулось самыхъ тяжелыхъ для крестьянъ повинностей: отмѣнены были только тѣ повинности, которымъ сами помѣщики не сдумали или не захотѣли придать, въ своихъ показаніяхъ, видъ опредѣленныхъ обязанностей.

Замѣчательно, что *семнадцать тысячъ* присланныхъ prestaціонныхъ табелей были рассмотрѣны комиссіей внутреннихъ дѣлъ въ *двадцать дней*, стало быть, во многихъ, если не во всѣхъ, случаяхъ почти наугадъ, и притомъ къ ущербу крестьянъ и въ пользу помѣщиковъ. Естественно, что, при подобномъ поспѣшномъ разборѣ, введеніе въ дѣйствіе prestaціонныхъ табелей, съ отмѣтками обл. отмѣненныхъ повинностяхъ, должно было вызвать споры, жалобы и недоразумѣнія; но совѣтъ управленія, и въ этомъ отношеніи, соблюдалъ выгоды помѣщиковъ: предвидя, что, подъ видомъ даремщинъ и принужденныхъ наймовъ, могли быть отмѣнены, по ошибкѣ, повинности, составлявшія чистую барщину, онъ опредѣлялъ, въ 1847 году, порядокъ подачи, по этому предмету, просьбъ о восстановленіи неправильно-отмѣненныхъ работъ. Этого мало: правительственная комиссія внутреннихъ дѣлъ запретила выдавать крестьянамъ копіи съ prestaціонныхъ табелей и тѣмъ лишила ихъ возможности не только обнаружить незаконныя домогательства помѣщика, но и узнать предѣлъ его законныхъ требованій и собственныхъ законныхъ обязанностей.

Въ четвертой статьѣ указа 1846 года было высказано ясно и положительно общее правило, чтобы обязанности крестьянъ не были впредь увеличиваемы и не выходили изъ предѣла тѣхъ, какія, по уничтоженіи незаконныхъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ, будутъ признаны правильными и дѣйствительно существовавшими до 20-го декабря 1845 года (1-го января 1846). И это правило, при толкованіи, подверглось произвольному ограниченію, а при исполненіи утратило всякую силу. Возбужденъ былъ вопросъ: ко всѣмъ ли помѣщикамъ относится воспрещеніе увеличивать повинности крестьянъ, и не слѣдуетъ ли допустить исключеніе въ пользу тѣхъ землевладѣльцевъ, которые сдали свои земли крестьянамъ на опредѣленныхъ условіяхъ и на время, по срочнымъ сдѣлкамъ? Продолжительная перепис-

ка, возникшая по этому вопросу между административными вѣдомствами, привела къ заключенію, что воспрещеніе увеличивать повинности не относится къ упомянутымъ помѣщикамъ.

Для того, чтобы повинности не могли быть увеличиваемы, представлялось весьма простое средство: слѣдовало бы только привести въ точную извѣстность, какія именно повинности лежали на крестьянахъ въ исходѣ 1846 года, провѣрить показанія помѣщиковъ отзывами крестьянъ и формальнымъ актомъ закрѣпить тогдашнія между ними обоюдныя отношенія. Мѣстная администрація поступила иначе. Никакой повѣрки prestaціонныхъ табелей на мѣстахъ сдѣлано не было; помѣщикъ же внеслъ въ prestaціонную табель что хотѣлъ и самъ, въ качествѣ гминнаго войта, свидѣтельствовалъ ее и прикладывалъ къ ней печать, а крестьяне даже не знали что было узаконено и что отмѣнено правительствомъ. Законъ требовалъ принимать за высшую норму повинность, существовавшую въ концѣ 1846 года; на дѣлѣ же обращено было въ норму показаніе помѣщиковъ о размѣрахъ повинности.

Пятая статья закона 1846 года вмѣняла въ обязанность мѣстнымъ административнымъ властямъ содѣйствовать тѣмъ владѣльцамъ, которые желали заключить съ крестьянами сдѣлки объ очиншеваніи, и требовала, чтобы сдѣлки непременно были представлены на утверженіе правительства. Такая предосторожность была излишняя, доказательствомъ чему служить слѣдующій случай. Въ 1847 году, въ совѣтъ управленія былъ внесенъ контрактъ, заключенный крестьянами ренчайскаго имѣнія съ графомъ Замойскимъ, однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ царства Польскаго и однимъ изъ передовыхъ людей польской аристократіи. По контракту, этотъ панъ-прогрессистъ оставялъ за собою негодные клочки земли, расположенные между крестьянскими угодьями, и за всякое ихъ поврежденіе возлагалъ отвѣтственность на крестьянъ. Кромѣ того, крестьяне принимали на себя круговую поруку въ обременительныхъ для нихъ условіяхъ контракта и подчинялись экзекуціи по распоряженію помѣщика, который выговаривалъ себѣ право не только штрафовать ихъ, но и сгонять неисправныхъ, съ занимаемыхъ ими усадебъ, собственною властію. Совѣтъ управленія хотя и призналъ обязательства этого контракта „противными общественному порядку и закону“, однако не уничтожилъ его административнымъ порядкомъ, предоставивъ крестьянамъ вѣ-

даться формою суда. А между тѣмъ цѣль закона 1846 года и состояла именно въ томъ, чтобы, облегчая добровольныя сдѣлки, предупреждать заключеніе подобныхъ условій и не доводить крестьянъ до необходимости судебного разбирательства. Самыя сдѣлки объ очиншеваніи затруднялись многочисленными формальностями и соблюденіемъ произвольныхъ условій, и на практикѣ помѣщики почти перестали представлять сдѣлки на утвержденіе правительства. Можно даже сказать, что добровольныя сдѣлки были и немислимы, по неуступчивости помѣщиковъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ поддержку мѣстной администраціи.

Нельзя, при этомъ случаѣ, довольно похвалить поведенія крестьянъ. Запуганные мѣстными властями, томясь подъ гнетомъ помѣщичьяго произвола, несмотря на свою личную свободу, они всѣ свои надежды возлагали на помощь русскаго правительства и единственно отъ великодушія и милосердія Царя ожидали лучшаго устройства своего быта. И тѣмъ крѣпче надѣялись они, что въ ихъ глазахъ совершалось, настойчиво и послѣдовательно, очиншеваніе поселянъ въ имѣніяхъ казенныхъ и маіоратныхъ, принадлежавшихъ русскимъ помѣщикамъ, гдѣ не мѣшали ни происки польскихъ землевладѣльцевъ, ни явное потворство этимъ проискамъ всей мѣстной администраціи и чиновничества. Крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, и до послѣдняго времени уповали единственно на благость своего законнаго Царя. Конечно, здѣсь должно искать разгадки, почему они не только не приняли участія въ настоящемъ мятежѣ, но и запечатлѣли свою вѣрность престолу девятьюстами жертвами, павшими отъ руки революціонныхъ убійць.

Очиншеваніе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ шло такъ медленно, что, на запросъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ о числѣ заключенныхъ съ 1846 года контрактовъ во всемъ царствѣ, отзывы были получены только изъ двухъ губерній: Плоцкой и Варшавской. Здѣсь очиншевано было болѣе двухсотъ имѣній, а сдѣлокъ представлено на утвержденіе только по двадцати имѣніямъ. Потому, съ высочайшаго разрѣшенія, издано было, 16-го (28-го) декабря 1858 года, положеніе о сдѣлкахъ по очиншеванію, и опять не иначе, какъ по добровольному соглашенію сторонъ. Допущенъ былъ только одинъ случай обязательнаго установленія чинша правительственными мѣстами, а именно: если въ тѣхъ

имѣніяхъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею по срочнымъ контрактамъ, не состоится, по истеченіи срока контракта, полюбовное соглашеніе о размѣрѣ чинша на будущее время. Главная цѣль постановленія 1858 года заключалась въ отмѣнѣ всѣхъ прежнихъ распоряженій (съ 1846 года) мѣстной администраціи; но отъ положенія нельзя было ожидать существенной пользы и широкаго примѣненія, потому что уѣздныя чиншевыя делегаціи, открытыя для предварительной повѣрки добровольныхъ сдѣлокъ объ очиншеваніи, не получили точныхъ правилъ для опредѣленія размѣра чиншей въ случаяхъ обязательнаго очиншеванія. На развитіе же полюбовнаго очиншеванія нечего было и рассчитывать: общіе заинтересованныя въ дѣлѣ стороны слишкомъ расходились въ своихъ воззрѣніяхъ. Помѣщики не только не думали о дружелюбномъ прекращеніи условій стараго крѣпостнаго быта, но въ самомъ положеніи 1858 года нашли новое средство окончательно устроить свое (фольварочное) хозяйство на счетъ крестьянъ—нашли тѣмъ скорѣе, что вся польская администрація шла объ-руку съ почти крайнею помѣстною партіей. Коммиссія внутреннихъ дѣлъ, на примѣръ, входя въ совѣтъ управленія съ представленіемъ о необходимости поднести на высочайшее утвержденіе проектъ относительно окончательнаго устройства крестьянскаго сословія, имѣла въ виду устройство *не крестьянскаго быта, а помѣщичьяго хозяйства и фольварковъ*. Всѣ предложенныя ею мѣры стремились къ тому, чтобы дать польскимъ помѣщикамъ юридическую возможность отобрать отъ крестьянъ еще нѣсколько лучшихъ участковъ земли, лишить ихъ права на пастбище, общаго выгона и лѣснаго довольства, снести крестьянскія избы съ привольнаго мѣста куда-нибудь на край дачи, увеличить, гдѣ только возможно, размѣры старыхъ чиншей и оброковъ.

Постановленіе 16-го (28-го) декабря 1858 года было обнародовано въ то самое время, когда въ имперіи открыли свои дѣйствія всѣ губернскіе комитеты по крестьянскимъ дѣламъ. Здѣсь вопросъ о польскихъ крестьянахъ входитъ въ связь съ русскимъ крестьянскимъ дѣломъ. Положеніе 19-го февраля 1861 года, установившее въ имперіи взаимныя отношенія двухъ сословій, помимо несбыточныхъ добровольныхъ соглашеній, произвело громадное впечатлѣніе на помѣщичьихъ крестьянъ царства Польскаго. И иначе не могло быть. Съ 1846 года, зная великодушныя намѣренія императора Николая, польскіе крестьяне

яне терпѣливо ожидали обѣщаннаго закона объ устройствѣ ихъ быта, и теперь, когда милость царя распространилась на ихъ собратій великорусскихъ, украинскихъ и бѣлорусскихъ, думали, что она не можетъ миновать и ихъ самихъ. Въ умахъ крестьянъ невольно зародилась мысль, что паны скрываютъ указъ царя; въ многочисленныхъ мѣстностяхъ, весною, прекратились барщинныя работы и поднялось болѣе двадцати тысячъ крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе разнесшагося между поселянами слуха, что правительство подарило имъ въ собственность тѣ земли, которыя они до тѣхъ поръ обрабатывали. По этому случаю произошло странное явленіе: крамольные польскіе паны, уже замыслившіе мятежъ противъ русскаго правительства, обратились къ защитѣ именно законнаго правительства, чтобы заставить вольнаго на словахъ, но угнетеннаго на дѣлѣ крестьянина ходить на панскую работу. И это случилось въ то самое время, когда высочайшій манифестъ только-что даровалъ въ Россіи всеѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ право навсегда избавиться отъ барщины за умѣренный оброкъ и обѣщалъ имъ царское содѣйствіе для окончательнаго выкупа ихъ земель.

Подъ вліяніемъ такихъ чрезвычайныхъ событій, приведено было немедленно въ исполненіе положеніе 4-го (16-го) мая 1861 года о денежномъ окупѣ.

Сущность его состояла въ томъ, что всеѣмъ крестьянамъ, еще остававшимся на барщинѣ (число ихъ превышало 130,000 дворовъ), дозволено было, съ 19-го сентября (1-го октября) 1861 года, перейти на опредѣленный денежный оброкъ, даже безъ согласія помѣщика. Размѣръ же оброка опредѣлялся переложениемъ на деньги стоимости барщинской повинности, слѣдовавшей съ крестьянина по prestaціонной табели. Очень понятно, почему помѣщики встрѣтили законъ объ окупѣ неблагопріятно: кромѣ того, что они лишались столько любезной и выгодной имъ барщины, самое вмѣшательство правительства въ крестьянскій вопросъ лишало ихъ надежды на продолженіе старыхъ порядковъ. Многіе помѣщики, и даже нѣкоторые изъ лицъ высшаго мѣстнаго управленія, пошли въ своихъ опасеніяхъ далѣе: сообразивъ, что окупъ не удовлетворитъ крестьянъ, а только ускоритъ окончательную развязку, во вредъ помѣстнымъ интересамъ, они почувствовали, что не имъ придется разрѣшить крестьянскій вопросъ. Возраженія начались съ того, что новый законъ вносилъ неизбѣжную неуравнительность въ

денежную повинность, вслѣдствіе простаго переложенія барщины на деньги. Это возраженіе не было лишено основанія; но дѣйствительная сила и важность обвиненія заключались въ другомъ, именно въ томъ, что окупъ долженъ былъ почти повсемѣстно выразиться въ непомѣрно-высокихъ цѣнахъ сравнительно съ истинною стоимостью земель. Слѣдовательно, новая повинность, какъ разорительная для крестьянъ, не могла удовлетворить ихъ, и такимъ образомъ, не достигалась первоначальная цѣль закона — разрѣшеніе крестьянскаго вопроса посредствомъ опредѣленія безобидныхъ для обѣихъ сторонъ размѣровъ денежнаго оброка.

Между тѣмъ, мѣстная польская администрація придумала средства парализовать виды правительства такъ же, какъ было съ указомъ 1846 года. Вторая статья закона объ окупѣ оканчивалась слѣдующими словами: „окупъ будетъ продолжаться до заключенія безсрочно-оброчныхъ (чиншевыхъ) договоровъ, и количество онаго не будетъ обязательнымъ при установленіи безсрочно-денежнаго оброка (чинша)⁴“. Въ этой, съ перваго взгляда, малозначащей фразѣ заключалась будущая судьба всѣхъ барщинскихъ крестьянъ, поступавшихъ на окупъ: она сулила имъ, при остававшемся впереди очиншеваніи, новое возвышеніе ихъ повинностей. Другими словами: благодаря польской администраціи, крестьяне царства навсегда лишались права, которое въ имперіи, положеніемъ 19-го февраля, было принято за главную основу для обезпеченія крестьянскаго быта, т. е. что однажды установленный оброкъ не можетъ быть возвышаемъ ни подъ какимъ предлогомъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что дальнѣйшее развитіе закона объ окупѣ было предоставлено не одной правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, но и комиссіи юстиціи. Это также была уловка со стороны польскихъ помѣщиковъ, поддерживаемыхъ мѣстною администраціей. Комиссія внутреннихъ дѣлъ, болѣе всѣхъ вѣдомствъ благопріятствовавшая крестьянамъ въ видахъ предупрежденія волненій между ними, и притомъ почти постоянно управляемая директорами изъ русскихъ, менѣе всѣхъ подчинялась вліянію помѣщиковъ и вообще польскихъ жителей. Они и рѣшили подчинить ее контролю комиссіи юстиціи, которая, по личному составу своему, обезпечивала польскіе интересы и ограждала себя отъ вліянія русскаго элемента. Наконецъ, исключительно этой же комиссіи

было предоставлено составленіе инструкціи мировымъ судьямъ о взысканіи съ крестьянъ недоимокъ судебнымъ порядкомъ, кромѣ административнаго, и въ такихъ случаяхъ помѣщики всегда прибѣгали охотнѣе къ экзекуціи судебной, зная напередъ, чью сторону примутъ мировые судьи, назначавшіеся вѣдомствомъ юстиціи.

Итакъ, законъ объ окупѣ не только не удовлетворилъ крестьянъ, но и далъ въ руки польскимъ помѣщикамъ новое оружіе противъ правительства. Дѣйствительно, помѣщики стали толковать крестьянамъ о тягости для нихъ установленнаго денежнаго оброка и внушали имъ, что всѣ свои надежды они должны возложить на великодушіе пановъ, если вступать съ ними въ союзъ противъ русскаго правительства. Тутъ польскій іезуитизмъ выказался въ яркомъ свѣтѣ: чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, помѣщики дѣлали имъ иногда уступки изъ денежнаго откупа, а если крестьяне не вѣрили имъ и обнаруживали преданность правительству, паны обращались съ просьбою къ нашимъ военнымъ начальникамъ о взысканіи или оброка, или барщины посредствомъ военной экзекуціи и затѣмъ всю вину сваливали на русскія власти.

Не мудрено, что крестьяне сбились съ толку, не понимая происходившаго на ихъ глазахъ и постоянно опасаясь сдѣлаться жертвою обмана, задуманнаго къ ихъ пагубѣ помѣщиками и мѣстными властями. Барщина, между тѣмъ, уже потрясенная крестьянскими волненіями, о которыхъ говорено выше, прекратилась сама собою, такъ что къ 1-му октября 1861 года оставалось во всемъ царствѣ только 5,471 дворъ на барщинѣ. Насталъ критическій моментъ. Надлежало рѣшиться вопросу о сближеніи двухъ сословій, помѣщичьяго и крестьянскаго, и это сближеніе, при помощи ксендзовъ, могло бы подвинуться впередъ тѣмъ скорѣе, что революціонная пропаганда уже начала вносить въ край новыя теоріи, уже слышалось кое-гдѣ слово о немедленной отпѣнѣ всѣхъ повинностей за землю. По счастью, сами помѣщики помѣшали сближенію съ собою крестьянъ тѣмъ, что, послѣ прекращенія барщины, всѣ свои усилія направили къ отобранію лучшихъ крестьянскихъ земель, къ переселенію крестьянъ въ отдаленныя мѣстности, къ лишенію ихъ строеваго и дровянаго лѣса и права пастбища въ господскихъ лѣсахъ. Была и весьма сильная нравственная причина, не допускавшая сближенія между обоими сословіями: это — вѣковая

ненависть хлопа къ пану, ненависть, глубоко укоренившаяся въ правахъ и преданіяхъ.

Затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ со дня обнародованія указа объ окупѣ и до полного разгара мятежа весною 1863 года, продолжалась упорная борьба по крестьянскому дѣлу между двумя польскими партіями, *бѣлыхъ* и *красныхъ*. Обѣ партіи, равно враждебныя русскому вліянію, усердно старались перетянуть народъ на свою сторону: одна, поддерживаемая духовенствомъ, употребляла, для достиженія цѣли, ласкательства, но имѣла въ виду отстоять матеріальныя выгоды и политическое преобладаніе пановъ; другая дѣйствовала сначала посредствомъ тайной революціонной пропаганды, потомъ подняла знамя бунта и наконецъ стала, въ своихъ соціалистическихъ прокламаціяхъ, соблазнять народъ обѣщаніемъ даровой земли. Въ первый разъ эта борьба обнаружилась въ средѣ Земледѣльческаго Общества; продолжалась же она вездѣ, въ тайныхъ сходбищахъ революціонныхъ комитетовъ и такъ называемой шляхетской дирекціи, въ костелахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, и кончилась тѣмъ, что часть помѣщиковъ, мечтавшая о самостоятельной Польшѣ съ прежнимъ шляхетскимъ устройствомъ, перешла въ противоположный станъ. „Бѣлые“ подчинились, въ этомъ случаѣ, вліянію отчасти страха, отчасти соблазна; но, конечно, самымъ могущественнымъ двигателемъ была непримиримая ненависть къ русскому имени.

Еще прежде соглашенія обѣихъ партій, маркизь Виедлепольскій, видя неудачу закона объ окупѣ, распорядился изготовленіемъ двухъ проектовъ новыхъ узаконеній, а именно: положенія объ обязательномъ очиншеваніи и положенія о выкупѣ чиншей. Первый проектъ былъ высочайше утвержденъ 24-го мая (5-го іюня) 1862 года. второй остался безъ движенія.

Чтобы охарактеризовать положеніе объ обязательномъ очиншеваніи, достаточно выставить на видъ, что оно было написано исключительно въ пользу помѣщиковъ. Сохраненіе ихъ интересовъ преобладаетъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ закона, и эта мысль проведена въ немъ съ такою удивительною послѣдовательностію, что вся изобрѣтательность составителя проекта была, повидимому, употреблена на отысканіе способовъ систематическаго разоренія крестьянъ подъ личиною соблюденія ихъ выгодъ. Напримѣръ: новый законъ ничѣмъ не ограждалъ крестьянъ отъ возвышенія тѣхъ повинностей, которыя они

отбывали прежде за землю; въ противность основному закону 1846 года, допускалось изыятіе цѣлаго разряда крестьянскихъ усадьбъ, находившихся во временномъ пользованіи крестьянъ по договорамъ, заключеннымъ прежде 26-го мая 1846 года; въ противность тому же закону, разрѣшалось исключать изъ состава крестьянской земли и навсегда присоединять къ землѣ помѣщичьей тѣ пустки, на которые, въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, не явится охотниковъ; право крестьянъ на пользованіе угодьями, основанное на обычай (слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ), прекращалось вмѣстѣ съ очиншеваніемъ немедленно и безъ всякаго въ пользу крестьянъ вознагражденія; переносъ крестьянскихъ усадьбъ, по требованію помѣщиковъ и для лучшаго отмежеванія фольварочныхъ (помѣщичьихъ) земель, допускался безъ малѣйшихъ ограниченій; крестьяне могли потерять всѣ свои лучшія земли и получить дурныя въ полуторномъ количествѣ, лишиться огородовъ и садовъ и въ замѣнъ ихъ получить полевую землю въ двойномъ количествѣ или небольшое вознагражденіе. Если ко всему этому присоединить, что помѣщикъ могъ, по своему усмотрѣнію, требовать или одного очиншеванія крестьянъ, или одного разверстанія земель, или одного уничтоженія сервитутовъ, или, наконецъ, всѣхъ либо нѣкоторыхъ изъ сихъ дѣйствій, вмѣстѣ взятыхъ, а крестьяне, при просьбахъ своихъ объ очиншеваніи, были ограничены разнаго рода стѣснительными формальностями, то окажется въ итогѣ, что для крестьянъ новый законъ не сдѣлалъ ни единой льготы. Интересы крестьянъ не были ограждены ни личнымъ составомъ чиншевыхъ делегацій и комиссій, ни правомъ обжалованія ихъ рѣшеній; они не имѣли своихъ представителей въ чиншевыхъ делегаціяхъ и самый контроль правительства ограничивался единичнымъ, въ чиншевой комиссіи, голосомъ такъ называемаго экономическаго чиновника.

Несмотря однако на всѣ исчисленные недостатки закона объ обязательномъ очиншеваніи, добросовѣстное исполненіе его, при помощи землевладѣльцевъ, могло бы устранить часть этихъ недостатковъ и содѣйствовать водворенію въ краѣ тишины и правильныхъ сословныхъ отношеній. Весь успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ исполнителей, т. е. уѣздныхъ совѣтовъ, которымъ поручалось выбрать по шести членовъ въ каждую уѣздную чиншевую делегацію, и отъ самихъ избранныхъ членовъ, ко-

торые, въ свою очередь, должны были назначить себѣ шесть товарищей изъ общаго списка избирателей. Чѣмъ же отвѣчали польскіе помѣщики на воззваніе правительства къ ихъ доброй волѣ и патріотизму? А тѣмъ, что нѣкоторые уѣздные совѣты вовсе не выбрали себѣ членовъ делегацій, другіе произвели выборы противозаконные; если же гдѣ и образовались уѣздныя чиншевыя делегаціи, тамъ онѣ закрылись сами собою, потому что, въ началѣ 1863 года, и предсѣдатели и члены подали въ отставку и присоединились къ революціонному движенію. Попытка составить временныя делегаціи изъ чиновниковъ не поведла ни къ чему.

Другое предположеніе маркиза Віелепольскаго о выкупѣ крестьянскихъ чиншей оказалось еще менѣе удачнымъ. Этотъ вопросъ неоднократно былъ предметомъ сужденія въ Земледѣльческомъ Обществѣ, въ которомъ одна партія настаивала на необходимости окончательной развязки крестьянскаго вопроса, чтобы предупредить рѣшительный шагъ русскаго правительства, а другая, предводимая графомъ Андреемъ Замоискимъ, отвергала всякія разумныя уступки въ пользу народа и поддерживала безобразные остатки, завѣщанные крѣпостнымъ правомъ польской экономической жизни. Въ началѣ 1861 года, когда обнаружилось революціонное движеніе, партія выкупа взяла верхъ, и даже графъ Замоискій успѣшилъ отречься отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и примкнулъ къ принципу выкупа. Извѣстно, что Земледѣльческое Общество было закрыто по распоряженію тогдашняго намѣстника: оно со всеусердіемъ пользовалось вопросомъ о выкупѣ крестьянскихъ чиншей для возбужденія умовъ и хотя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не составило никакого окончательнаго проекта по крестьянскому дѣлу, однако не задумалось распустилъ въ польской публикѣ и за границую слухъ, будто польское шляхетство рѣшилось подарить крестьянамъ ихъ надѣлы и будто русское правительство умышленно не дало хода великодушнымъ порывамъ шляхетства.

Послѣ закрытія Земледѣльческаго Общества, графъ Замоискій, бывший предсѣдатель его, представилъ отъ имени Земскаго Кредитнаго Общества, котораго онъ также былъ предсѣдателемъ, проектъ о выкупѣ крестьянскихъ повинностей при посредствѣ этого общества, съ очевидною цѣлю сосредоточить здѣсь все дѣло выкупа чиншей, слѣдовательно и весь дѣйствительный контроль надъ тѣсно-связаннымъ съ нимъ дѣломъ очин-

шеванія. Отдать въ руки враждебнаго общества всѣ важнѣйшіе интересы края правительство согласиться не могло, и потому въ комиссіи финансовъ былъ составленъ новый о выкупѣ проектъ, въ главныхъ основаніяхъ совершенно сходный съ предложеніями кредитнаго общества. Тѣмъ не менѣе, общество отказалось принять этотъ проектъ и отказало въ 900,000 руб. сер., которыхъ требовало правительство для составленія резервнаго фонда Выкупнаго Банка. На томъ и остановилось дѣло.

Но не остановился крестьянскій вопросъ въ царствѣ Польскомъ: онъ самъ собою подвигался къ коренному разрѣшенію.

Лишь только въ январѣ 1863 года вспыхнулъ открытый мятежъ, какъ коноводы его тотчасъ же обнародовали воззваніе объ отмѣнѣ всѣхъ помѣщичьихъ правъ на крестьянскую землю, объ отдачѣ крестьянамъ въ полную собственность ихъ земельныхъ участковъ и о вознагражденіи въ будущемъ помѣщиковъ за упраздняемыя повинности. Въ тотъ же день (22-го января) появилось и другое революціонное воззваніе къ коморникамъ и прочимъ безземельнымъ крестьянамъ, обѣщавшее наградить землю тѣхъ изъ нихъ, которые станутъ подъ знамя мятежа. Съ тѣхъ поръ было обнародовано еще много другихъ распоряженій агитаторовъ о томъ же предметѣ, а 17-го іюля и крестьяне, живущіе на казенныхъ земляхъ, объявлены полными собственниками своихъ участковъ, и отмѣнены платимые ими чинши.

Польскіе революціонеры всегда славились, кромѣ неистощимой изобрѣтательности на всякаго рода выдумки и клеветы, и умѣнемъ пользоваться всякаго рода обстоятельствами, помня завѣтъ своихъ наставниковъ-іезуитовъ, что „дѣло оправдываетъ средства“. Лѣтомъ 1863 года, правительство нашлось вынужденнымъ, для пополненія опустѣвшей и частію разграбленной казны, взыскивать экзекуціоннымъ порядкомъ уплату недоимокъ по всѣмъ почти разрядамъ податей. Отряженнымъ для того военнымъ командамъ было предписано, между прочимъ, требовать уплаты не внесенныхъ податей и отъ помѣщиковъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики станутъ отговариваться неимѣніемъ наличныхъ денегъ, велѣно было требовать прямо отъ крестьянъ не уплаченныхъ ими чинша и окупа. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ военныхъ начальниковъ стали не только требовать отъ крестьянъ чиншей въ размѣрѣ, нужномъ для по-

крытія податныхъ недоимокъ, лежавшихъ на помѣщикахъ, какъ было предписано, но требовали вообще бездомочной уплаты помѣщикамъ всѣхъ денежныхъ повинностей (о чемъ ихъ просили сами же помѣщики), съ тѣмъ, чтобы крестьяне прямо отъ себя вносили оброки въ мѣстные казначейства. Какъ было не воспользоваться коноводамъ мятежа столь удобнымъ случаемъ для возбужденія крестьянъ противъ законнаго правительства! Въ воззваніяхъ своихъ они выставляли, съ одной стороны, попеченіе о народѣ такъ называемаго „польскаго (т. е. революціоннаго) правительства“, а съ другой стороны указывали на стѣснительныя для крестьянъ дѣйствія русскаго правительства и подстрекали народъ къ защитѣ не только политической свободы, но и правъ собственности, будто бы нарушаемыхъ русскими.

Здѣсь нельзя умолчать объ одномъ не только любопытномъ, но и знаменательномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ, до какой степени вся мѣстная польская администрація потворствовала мятежу и прогиводѣйствовала, прямо или косвенно, правительству. Коммисіи внутреннихъ дѣлъ былъ въ 1863 году сдѣланъ запросъ: въ какой мѣрѣ крестьяне исправно отбываютъ свои повинности къ помѣщикамъ. Коммисія отвѣчала, въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ, что въ 1861 году крестьяне уклонялись отъ отбыванія барщины и прочихъ повинностей, что они оказали наибольшее сопротивленіе во взносѣ окупа, но что за 1863 годъ нѣтъ въ дѣлахъ коммисіи жалобъ помѣщиковъ, хотя, по свѣдѣніямъ, окупъ во многихъ мѣстахъ не вносится. И все это коммисія внутреннихъ дѣлъ приписывала *косвеннымъ дѣйствіямъ партикулярныхъ подстрекателей*, „ошибочно толковавшихъ крестьянскому классу смыслъ высочайшаго указа 4-го (16-го) мая 1861 года“, а чтобы выставить свою благонамѣренность, прибавила, что правительственныя мѣста неоднократно отправляли „таковыхъ подстрекателей“ въ судъ, для наказанія по законамъ, и издавали общія распоряженія „съ цѣлію недопущенія вреднаго ихъ вліянія на поселянъ“. О мятежѣ, о революціонной пропагандѣ—ни слова, какъ будто все было спокойно въ краѣ, кромѣ появленія какихъ-то „партикулярныхъ подстрекателей“, которыхъ достаточно было подвергнуть обыкновенному судебному преслѣдованію. Ссылаясь на то, что въ теченіе 1863 года не поступало формальныхъ жалобъ отъ помѣщиковъ, коммисія внутреннихъ дѣлъ какъ будто и не

знала, что помѣщики или были утрашены революціей, или просто сами приняли участіе въ мятежѣ. И не одна эта коммиссія, но и всѣ высшія гражданскія учрежденія въ царствѣ Польскомъ старались ничего не говорить, въ офиціальной перепискѣ, о тѣхъ событіяхъ, которыя такъ явно и такъ дерзко ниспровергали всѣ основы общественнаго быта и всѣ законныя проявленія правительственной власти.

Послѣ представленнаго историческаго очерка, основаннаго на точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣніяхъ и на офиціальныхъ документахъ, нужно ли пояснять, почему правительство не могло долѣ медлить окончательнымъ устройствомъ быта польскихъ крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ?

II.

Важность и необходимость безотлагательнаго и прочнаго устройства сельскаго населенія въ царствѣ Польскомъ подтверждается, кромѣ историческихъ причинъ, и статистическими соображеніями. По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ „Правительственномъ Сборникѣ“ (изданномъ въ Варшавѣ), экономическое положеніе царства Польскаго, предъ самымъ началомъ нынѣшнихъ безпокойствъ, представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1862 году все населеніе царства простиралось до 4.910,680 душъ, изъ которыхъ на долю крестьянскаго сословія приходилось 3,690,967 душъ. Если же изъ этого числа вычестъ 87,317 душъ евреевъ, не занимающихся земледѣліемъ, то населеніе, имѣвшее въ экономическомъ смыслѣ значеніе земледѣльческой силы, представляло цифру въ 3,603,650 душъ — цифра, слишкомъ краснорѣчиво говорящая въ пользу важности сельскаго элемента въ царствѣ Польскомъ. Что же касается до состава и распредѣленія сельскаго населенія, то въ означенное время считалось: частныхъ имѣній 17,837, казенныхъ 3,846, пожалованныхъ (маіоратовъ), принадлежащихъ духовенству, разнымъ учрежденіямъ и городамъ 1,330. Крестьянскихъ усадебъ было 233,909, и изъ нихъ 12,467 не имѣли осѣдлыхъ обитателей.

При приблизительномъ распредѣленіи поземельной собственности между сословными классами царства Польскаго, оказывается не менѣе 25,000 помѣщиковъ, имѣвшихъ на своихъ земляхъ крестьянъ; 227,500 земледѣльцевъ или мелкихъ арендаторовъ; 22,000 крестьянъ-собственниковъ; 28,000 евреевъ-

земледѣльцевъ; 1.603.000 крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ и отбывавшихъ до послѣдняго указа барщину и другія повинности въ пользу помѣщиковъ; наконецъ 1,338,900 крестьянъ, не имѣющихъ осѣдлости, безземельныхъ.

Приведенныя цифры говорятъ, что предпринятая нынѣ въ царствѣ Польскомъ реформа имѣетъ ближайшее и прямое отношеніе къ той части сельскаго населенія, которая, въ лицѣ своемъ, представляетъ экономическія силы края по отношенію ихъ къ земледѣльческому труду. слѣдовательно нуждается въ совершенной независимости этого труда.

Норазительна своею громадностію цифра крестьянъ безземельныхъ. Въ имѣніяхъ частныхъ ихъ не менѣе 1,014,403 человекъ, т. е. они составляютъ почти половину всѣхъ крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ. Образование сельскаго пролетаріата въ царствѣ Польскомъ имѣетъ ту особенность, что оныя были послѣдствіемъ не малоземельности края, а просто своекорыстной политики пановъ, постепенно захватывавшихъ въ свои руки крестьянскія земли. Собственно помѣщичьей земли (фольварочной) считается 10,090,716 морговъ (*), а въ пользованіи крестьянъ, живущихъ въ частныхъ имѣніяхъ, было только 3,559,684 морга, или нѣсколько болѣе одной четверти всего количества земли частныхъ владѣльцевъ, тогда какъ въ имперіи, по положенію 19-го февраля 1861 года, крестьянскіе надѣлы составляютъ одну треть, а иногда и половину всей земли помѣщика.

Польскіе помѣщичьи крестьяне, несмотря на свое крайне-униженное положеніе, сохранили донинѣ сознаніе предоставленныхъ имъ правъ, безпрестанно нарушавшихся: они не только понимали разницу между участію тѣхъ, которые отправляли барщину и платили окупъ или чиншъ, но и отдавали себѣ отчетъ въ самой причинѣ этой разницы. О барщинѣ или панщинѣ они всегда отзывались съ омерзѣніемъ и завидовали крестьянамъ казеннымъ, которые, въ свою очередь, всегда сознавали не безъ гордости превосходство своего положенія надъ помѣщичьими не въ одномъ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи; они считали себя въ правѣ говорить съ особеннымъ чувствомъ достоинства: „кромѣ Бога и Царя—мы не боимся никого“

Люди, близко наблюдавшіе крестьянъ царства Польскаго,

(*) Моргъ = $\frac{1}{2}$ десятины съ небольшимъ.

удостоверяють, что они обладают всѣми условіями, нужными для самостоятельнаго завѣдыванія своими общественными дѣлами. До послѣдней реформы, законодательство не касалось однако этой стороны сельскаго быта. Сельскихъ обществъ въ царствѣ Польскомъ до сихъ поръ не было; были только отдѣльныя личности, жившія вмѣстѣ въ деревняхъ, но не связанныя между собою никакою организаціей. Были гмины (*), но гмина не образовывала общины: она была только извѣстною частицею края, состоявшею въ вѣдѣніи войта (**), какъ мѣстнаго, самаго низшаго въ іерархіи властей, начальства. Значеніе ея до сихъ поръ было чисто территоріальное, т. е. опредѣляющее пространство и границы ея; гминное же управленіе, административно-полицейское, нельзя сравнивать съ сельскимъ обществомъ въ имперіи. Скорѣе о немъ могутъ дать понятіе русскіе станы, разумѣется въ несравненно-меньшемъ объемѣ, а обязанности войта напоминаютъ обязанности становаго пристава, съ тѣми, конечно, различіями, которыя обусловливаются мѣстными законами и учрежденіями. Полицейскимъ начальникомъ сельской гмины, войтомъ, былъ, по праву вотчиннаго владѣнія, самъ помѣщикъ; но помѣщики весьма рѣдко принимали на себя лично заботы и труды по этой должности: обыкновенно они передавали свои права подставнымъ наемникамъ, которыхъ представляли иногда на утвержденіе комиссіи внутреннихъ дѣлъ, а иногда опредѣляли въ эту должность только съ вѣдома губернскаго или даже уѣзнаго начальства, какъ бы съ званіемъ своихъ прикащиковъ. При сдачѣ имѣнія въ аренду, передавалось арендатору и званіе войта. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ подобная полицейская власть, хотя и переданная другому лицу, была просто замаскированнымъ помѣщичьимъ правомъ. Подставные войты, покорнѣйшіе слуги своихъ пановъ - милостивцевъ, отличались тѣмъ особеннымъ характеромъ подобострастія и наглости, изъ которыхъ слагается основной характеръ польской шляхты, и они-то, вмѣстѣ съ приходскими ксендзами, были самыми усердными распространителями и пособниками послѣднихъ смуть въ краѣ. Немудрено: по своей многочисленности, они имѣли къ тому всѣ средства и всѣ способы. Въ 3,069 гминахъ царства под-

(*) Испорченное нѣмецкое слово Gemeinde.

(**) Отъ и мецкаго слова Vogt.

ставныхъ войтовъ было не менѣе 1,634, что составляетъ 55 процентовъ общаго числа ихъ. Эти офиціальныя свѣдѣнія не совсѣмъ еще точны: но относительно тринадцати уѣздовъ извѣстно положительно, что изъ 909 гминь въ этихъ уѣздахъ только въ 235 гминахъ, или въ одной четвертой части съ небольшимъ, сами помѣщики были войтами; во всѣхъ остальныхъ гминахъ хозяйничали мелкіе шляхтичи. Надобно знать, какою обширною властію пользовались гминные войты. Въ административномъ порядкѣ, удучи обязаны объявлять приказы и распоряженія правительства, они тѣмъ самымъ становились прямыми посредниками между правительствомъ и крестьянами; они завѣдывали имуществомъ, доходами и общественными учрежденіями гмины; распорядились общественными работами, собирали подати, участвуя въ раскладкѣ ихъ, и подвергали взысканію неисправныхъ плательщиковъ: отводили квартиры проходящимъ войскамъ, выдавали свидѣтельства и паспорта на проживаниеъ въ предѣлахъ царства, вели книгу населенія и статистику гмины, наблюдали за безопасностію, за порядкомъ и чистотою, принимали мѣры противъ распространенія между крестьянами всего, что можетъ нанести вредъ нравственности и здоровью, и противъ бродяжничества, праздности, нищенства. Кромѣ того, гминные войты были облечены правами судебной власти: они судили тѣ преступленія и проступки, за которые, по уложенію, опредѣляется замѣчаніе, выговоръ въ присутствіи суда, денежный штрафъ до десяти рублей, арестъ до семи дней и наказаніе розгами до двадцати ударовъ.

Извѣстно, что мелкая шляхта въ царствѣ Польскомъ классъ самый развращенный, истинная язва общественнаго порядка въ краѣ. И въ рукахъ представителей этого-то класса, пропитанныхъ злобою и враждою къ русскому правительству, находились, до сихъ поръ, въ полной зависимости, какъ отъ гминныхъ войтовъ, болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ... Каждый крестьянинъ стоялъ передъ помѣщикомъ и войтомъ изолированно и въ столкновеніяхъ съ ними не имѣлъ, со стороны общества, никакой для себя опоры. Общественнаго суда не было; мірскія сходки (громада) признавались, по закону, только для выбора солтыса (старосты), лавниковъ (помощниковъ солтыса) и для переговоровъ съ помѣщикомъ или начальствомъ по вопросамъ объ очиншеваніи, разбивкѣ угодій и т. п. Самые солтысы выбирались подъ вліяніемъ войтовъ, утверждались ими,

исполняли ихъ распоряженія, словомъ находились въ прямой отъ нихъ зависимости, и далеко не имѣли тѣхъ правъ и той самостоятельности, которыми пользуются, по закону, наши водостныя головы, старшины и старосты. Солтысы походили скорѣе на сотскихъ, чѣмъ на представителей общества, выдвинутыхъ изъ его среды свободнымъ избраніемъ. Къ счастью, солтысы не отшатнулись отъ крестьянъ, не примкнули къ мелкой шляхтѣ, въ лицѣ гминныхъ войтовъ, помѣщиковъ и офиціалистовъ, досель заправлявшихъ сельскою жизнію. На солтысахъ оборвалось зловредное вліяніе шляхты. Говоримъ „зловредное“, и притомъ въ высшей степени, потому, что ближайшее надъ крестьянами начальство, свѣтское и духовное, гминныя войты и заступавшіе ихъ мѣсто (подставныя войты) въ деревняхъ, и бургомистры въ мѣстечкахъ, какъ отъ правительства назначенные, такъ и подряженные въ должность помѣщиками, наконецъ ксендзы, не только не служили живыми звеньями для связи крестьянъ съ высшимъ правительствомъ, напротивъ, сознательно и безсознательно, разобщали ихъ, не давали установиться этой естественной связи. Сказать коротко: до послѣдняго времени, польская шляхта, отличающаяся двойственнымъ характеромъ сословія и политической партіи, образовывала, въ союзѣ съ приходскимъ духовенствомъ, плотную стѣну, чрезъ которую мысль, воля и слово верховной власти, обращенное къ народу, никогда не пробивались до него. Обойти эту стѣну, установить сношенія помимо ея—вотъ что предстояло правительству для прочнаго устройства крестьянскаго быта, для огражденія правъ и самостоятельности сословія, не измѣнившаго присягъ, несмотря на всѣ усилія революціонной пропаганды.

Еще съ 1853 года правительство приступило къ обсужденію вопроса о преобразованіи устройства гминъ и ихъ управленія. Основаніе, въ силу котораго каждая деревня и даже часть деревни, заключавшая въ себѣ не менѣе десяти жилыхъ домовъ, могла образовывать отдѣльную сельскую гмину, повело къ такому размноженію гминъ, что въ 1858 году число ихъ въ царствѣ Польскомъ, и притомъ большею частію мелкихъ, дошло до 4,935 (*). Неудобства такого дробленія состо-

(*). Мелкихъ гминъ, имѣвшихъ до 50 дворовъ, было 2,624, слѣдовательно больше половины.

яли въ томъ, что своевременное исполненіе распоряженій начальства встрѣчало болѣе и болѣе затрудненій, уѣздныя управленія обременялись многосложною перепискою съ войтами и не могли слѣдить за ихъ дѣйствіями. По указу 3-го (15-го) марта 1859 года, число гминъ было сокращено тѣмъ, что гмина должна была заключать въ себѣ не менѣе 50 дворовъ. Кромѣ того были возстановлены гминные или сельскіе совѣты, учрежденные еще въ 1809 году декретомъ герцога варшавскаго, по остававшіеся мертвою буквою. Составъ гминныхъ совѣтовъ зависѣлъ отъ числа дворовъ въ гминѣ: на примѣръ, если въ гминѣ считалось пятьдесятъ дворовъ, то совѣтъ долженъ былъ состоять изъ трехъ членовъ, при семидесяти дворахъ изъ четырехъ, при ста дворахъ изъ пяти, при ста-пятидесяти изъ шести и такъ далѣе, прибавляя на каждые сто дворовъ по одному члену. По инструкціи, данной комиссіей внутреннихъ дѣлъ, члены гминныхъ совѣтовъ, избиравшіеся всѣми осядлыми жителями гмины, имѣли совѣщательный голосъ при войтахъ, которымъ должны были содѣйствовать въ исполненіи ихъ обязанностей. Гминные совѣты не состоялись, впрочемъ, ни въ одной мѣстности царства, потому ли, что кругъ ихъ дѣятельности и значенія былъ слишкомъ ограниченъ, или потому—и это гораздо правдоподобнѣе—что образованію ихъ противодействовали не только войты, но и мѣстная администрація, боявшіеся всякаго проявленія самостоятельности крестьянскаго сословія. Почти повсюду крестьяне отказались отъ выбора членовъ въ гминные совѣты. Если же гдѣ и были выбраны члены, то они сами отказывались отъ вступленія въ должность. Огромная власть войтовъ осталась, такимъ образомъ, не тронутою.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мѣстныя управленія царства Польскаго, въ виду не состоявшихся гминныхъ совѣтовъ, поспѣшили выдвинуть на первый планъ мысль, будто крестьяне еще не созрѣли для самоуправленія и потому образованіе сельскихъ обществъ было бы преждевременно. Такое заявленіе польской администраціи весьма естественно: оно — результатъ вѣковаго преобладанія шляхетскихъ интересовъ. Опровергать его не стоитъ труда.

Указъ 1859 года былъ позднѣйшимъ узаконеніемъ по части гминнаго устройства, и хотя въ первой половинѣ 1863 года правительственная комиссія юстиціи составила другой

проектъ о гминахъ, принявъ за основаніе новое для царства Польскаго начало—*избраніе войтовъ самими жителями*—однако все осталось при одномъ проектѣ.

Можно сказать утвердительно, что и до сихъ поръ крестьянскій вопросъ въ царствѣ Польскомъ не подвинулся бы впередъ ни на шагъ, если бы дѣло это было оставлено въ рукахъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Но державная воля Освободителя двадцати-милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ въ имперіи простерлась и на сельское населеніе царства, и благотворительная реформа, подобной которой не представляетъ исторія польскаго народа, совершилась въ такой моментъ, когда необходимость ея оказалась безусловною.

Высочайшими указами 19-го февраля 1864 года, крестьяне, живущіе не только на земляхъ польскихъ помѣщиковъ, но и въ маіоратныхъ имѣніяхъ, пожалованныхъ русскимъ помѣщикамъ, также въ имѣніяхъ, принадлежащихъ казнѣ и разнымъ учрежденіямъ, объявлены собственниками, полноправными гражданами и получили самоуправленіе, основанное на организаціи сельскихъ гминъ и сельскихъ обществъ. Навсегда освобожденные отъ власти и суда владѣльца земли или его арендатора, крестьяне каждой сельской гмины собираются на общій сходъ и сами выбираютъ себѣ гминнаго войта и лавниковъ, обязанныхъ разбирать маловажные споры и проступки. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ или колоніи крестьяне собираются громадою, на которую никто, кромѣ ихъ, не допускается, и сами себѣ выбираютъ изъ среды своей солтыса. Мѣстнымъ мировымъ судьямъ и подсудкамъ, ксендзамъ и вообще лицамъ духовнаго званія, а также всѣмъ не имѣющимъ собственной земли въ гминѣ, воспрещено являться на гминные сходы и вмѣшиваться въ выборы и въ дѣла крестьянъ. На первые же гминные сходы, которые будутъ созваны для выбора новыхъ войтовъ, воспрещено являться нынѣшнимъ войтамъ, заступающимъ ихъ мѣсто (подставнымъ войтамъ) и офиціалистамъ. Крестьянинъ получаетъ въ вѣчную и полную свою собственность не только ту усадьбу, которую занимаетъ въ настоящее время, но и находящіяся на ней строенія и всѣ принадлежности земледѣльческаго хозяйства, съ единственнымъ условіемъ: исправно уплачивать, прямо въ казну, прежнія подати и вновь установленный поземельный, съ крестьянскихъ усадебъ, налогъ. Затѣмъ съ 3 го (15-го) апрѣля 1864 года крестьянинъ навсегда освобождается отъ всѣхъ преж-

нихъ повинностей. которыя онъ, за свою усадьбу, правилъ въ пользу помѣщика, а именно: отъ барщины, окупа, чинша, сбора зерномъ и данинъ. Новый поземельный налогъ, вносимый прямо въ казну, обращается на вознагражденіе помѣщиковъ и на уплату имъ за земли, поступающія въ собственность крестьянъ, для того, чтобы впредь владѣльцы не могли вступаться въ эти земли. Но какъ общая сумма поземельнаго налога не можетъ покрыть издержки по вознагражденію помѣщиковъ, то недостающее количество будетъ выплачено изъ казны. Земли неправильно отобранныя владѣльцами у крестьянъ послѣ указа 1846 года, равно и пустки, никѣмъ не занятыя или неправильно присоединенныя къ дворовымъ землямъ, должны быть возвращены, если крестьяне будутъ просить о томъ въ теченіе установленнаго трехлѣтняго срока. Наконецъ, крестьяне сохраняютъ бесплатно право на тѣ угодья (сервитуты), которыми нынѣ пользуются на основаніи престационныхъ табелей, контрактовъ, словесныхъ условій или по обычаю, именно: право на полученіе строеваго лѣса, дровъ, право на сборъ сушняка, валежника, листьевъ для подстилки, право на пастьбу въ городскихъ лѣсахъ и на дворовыхъ земляхъ.

Вотъ сущность и основныя начала высочайшихъ указовъ, обезпечивающихъ судьбу крестьянъ царства Польскаго. Нѣкоторыя общія поясненія дадутъ о нихъ болѣе точное понятіе.

Основныя начала устройства крестьянскаго быта въ царствѣ Польскомъ сходны, въ общихъ чертахъ, съ разрѣшеніемъ того же вопроса въ имперіи; въ частности должна была неминуемо явиться разница вслѣдствіе особенно-уважительныхъ причинъ. Условія, въ которыхъ находится царство, не имѣютъ ничего общаго съ условіями имперіи. За весьма и весьма немногими исключеніями, въ Россіи всѣ помѣщики охотно содѣйствовали видамъ правительства по крестьянскому вопросу; въ царствѣ Польскомъ, напротивъ, паны, подкрѣпляемые мѣстнымъ чиновничествомъ, постоянно парализовали благія предначертанія власти относительно улучшенія крестьянскаго быта, какъ видѣли читатели изъ нашего историческаго обзора. Отсюда истекала необходимость совершить дѣло съ большею рѣшительностію и въ большихъ размѣрахъ.

Для крестьянъ царства Польскаго началась нынѣ новая жизнь, основанная на полноправности ихъ, какъ гражданъ, и самоуправленіи; не оставалось, слѣдовательно, уважительной при-

чины сохранять за помѣщиками такъ называемую патримоніальную юрисдикцію и сопряженную съ званіемъ гминныхъ войтовъ власть. тѣмъ болѣе, что и въ прежнее время это учрежденіе далеко не обезпечивало общественнаго порядка и строгой справедливости. Между тѣмъ, трехлѣтній опытъ въ имперіи доказалъ пользу допущенія крестьянъ въ дѣлахъ сельскаго управленія. „Мы не сомнѣваемся — выражено въ высочайшемъ указѣ — что и польскіе крестьяне, въ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ обнаружившіе свой здравый смыслъ и свое уваженіе къ законной власти, оправдаютъ Наше къ нимъ довѣріе.“ По новому закону о гминномъ устройствѣ, сельская гмина состоитъ изъ деревень и колоній, населенныхъ крестьянами разныхъ наименованій, и изъ фольварковъ или мызъ помѣщиковъ и другихъ землевладѣльцевъ. Деревни и колоніи образуютъ сельскія общества. Какъ въ гминахъ, такъ и въ сельскихъ обществахъ завѣдываніе общественными дѣлами поручается общественнымъ сходамъ и лицамъ, отъ этихъ сходовъ избраннымъ. Въ гминахъ общественные сходы состоятъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ домохозяевъ, владѣющихъ по меньшей мѣрѣ тремя моргами земли, кромѣ духовныхъ лицъ, мировыхъ судей и членовъ уѣздной полиціи; въ составъ сходовъ сельскихъ обществъ входятъ не только совершеннолѣтніе домохозяева, но даже крестьянки, владѣющія усадьбами и отъ себя ведущія хозяйство, если сами пожелаютъ того. Общественные сходы въ гминахъ выбираютъ по одному войту и отъ двухъ до трехъ лавниковъ изъ всѣхъ сословій и изъ лицъ, владѣющихъ не менѣе какъ шестью моргами земли; на сходѣ же сельскихъ обществъ выбирается солтысъ, званіе котораго соотвѣтствуетъ званію войта. По дѣламъ полицейскимъ, общественнымъ и административнымъ обязанности войта остались почти въ прежнемъ видѣ; но судебно-полицейская власть его ограничена тѣмъ, что въ каждой гминѣ учреждается судъ изъ войта и лавниковъ, съ которыми равно какъ и съ солтысами, войтъ обязанъ совѣщаться. Если войтъ не станетъ исполнять своихъ обязанностей, то солтысы, вмѣстѣ съ лавниками, имѣютъ право доносить на него уѣздному начальнику. Словомъ, при существованіи выборнаго элемента и общественныхъ сходовъ, войтъ уже не можетъ злоупотреблять своею властію въ такой степени, какъ было до настоящей реформы. Права, дарованныя крестьянамъ, такъ важны, интересы, истекающіе изъ этихъ правъ, такъ

обща, что преобладающее вліяніе отдѣльныхъ личностей становится весьма труднымъ; въ послѣдствіи, когда крестьяне свыкнутся со своимъ новымъ положеніемъ, оно сдѣлается невозможнымъ.

Никто изъ тѣхъ, которые хотя даже отчасти знакомы съ главными условіями государственнаго хозяйства, не станутъ отвергать рациональности мѣры, въ силу которой крестьяне получаютъ землю, права и льготы не бесплатно. Въ имѣніяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и различнымъ учрежденіямъ, также въ имѣніяхъ казенныхъ, еще не очиншеванныхъ, новый поземельный налогъ, установленный сверхъ прежнихъ казенныхъ податей, для каждой деревни или колоніи, равенъ общей суммѣ всей *подымной* и *шарварковой* подати и всего контингента *ливерунковаго* (*), которая ежегодно слѣдуетъ съ деревни или съ колоніи по дѣйствующей нынѣ раскладкѣ. Въ имѣніяхъ же, окончательно очиншеванныхъ, казенныхъ и маіоратныхъ, пожалованныхъ русскимъ помѣщикамъ, установленъ, вмѣсто отмѣняемаго чинша, новый поземельный налогъ съ cadaго усадебника, въ размѣрѣ двухъ третей прежняго чинша (въ казенныхъ имѣніяхъ около 35 коп. съ морга земли, а въ маіоратныхъ около 18 коп., по среднему выводу чиншей для всего царства), сверхъ прежнихъ податей: подымной, шарварковой и контингенса ливерунковаго. Кромѣ этого источника для вознагражденія помѣщиковъ, въ казну поступаютъ доходы, до полнаго выкупа крестьянскихъ повинностей, съ предоставленнаго крестьянскимъ обществамъ, въ цѣломъ ихъ составѣ, права выдѣлки и розничной продажи питей, такъ называемой *пропинаціи*, доселѣ исключительно принадлежавшей помѣщикамъ.

(*) *Подымная* подать, одна изъ самыхъ древнихъ между славянскими народами повинностей, существуетъ въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго болѣе двухъ съ половиною вѣковъ (съ семнадцатаго столѣтія). Размѣръ ея съ cadaго дыма (крестьянской избы) опредѣляется количествомъ земли, которую пользуется крестьянинъ. *Шарварковал*, т. е. дорожная повинность отбывалась до 1820 года натурою; потомъ она была замѣнена деньгами, по 90 коп. съ тяглаго дыма (16 морговъ земли) и по 60 коп. съ вѣшаго (меньше 15 морговъ); но въ 1838 году обѣ подати были соединены и за норму приняты крестьянскія усадьбы. По росписи 1862 года, сумма этихъ податей псчислена въ 1,742,000 р. *Ливерунковый* контингентъ, т. е. доставка помѣщикамъ, для надобностей войскъ, хлѣба, сѣна и соломы, по количеству посѣвовъ и луговъ, существовавшая въ прежнемъ герцогствѣ Варшавскомъ, замѣненъ въ 1817 году денежнымъ взносомъ. На 1862 годъ этой денежной повинности было исчислено 1,195,656 р.

Что касается до обезпеченія землевладѣльцамъ справедливаго вознагражденія за участки, поступившіе въ собственность крестьянъ, то въ высочайшемъ указѣ о ликвидаціонной комиссіи опредѣлены тѣ основанія, на которыхъ помѣщики имѣютъ быть вознаграждены изъ царства особыми кредитными бумагами. „Засимъ—сказано въ указѣ—отъ самихъ владѣльцевъ будетъ зависѣть ускорить выдачу имъ упомянутаго вознагражденія и упрочить самую цѣнность онаго. Цѣль эта можетъ быть несомнѣнно достигнута ими, если они, пользуясь тяжелымъ опытомъ прошедшаго, направятъ свои усилія къ успокоенію умовъ и укрощенію волненій, несовмѣстныхъ съ упроченіемъ кредита, не только общественнаго, но и частнаго. Благоразумное, въ этомъ случаѣ, содѣйствіе ихъ видамъ правительства принесетъ наиболѣе пользы самимъ землевладѣльцамъ, ибо пріуготовить почву для быстрого развитія вещественнаго благосостоянія страны и ускорить врачеваніе ранъ, столь жестоко нанесенныхъ ей мятежемъ.“

Для финансовыхъ операцій, связанныхъ съ вознагражденіемъ помѣщиковъ, учреждается временная ликвидаціонная комиссія, въ распоряженіе которой казна царства отпускаетъ ежегодно, въ теченіе сорока-двухъ лѣтъ, сумму, равняющуюся каждый годъ пяти процентамъ со всего ликвидаціоннаго капитала, опредѣляемаго для вознагражденія помѣщиковъ. Съ тою же цѣлію имѣетъ быть обращена въ продажу часть принадлежащихъ казнѣ въ царствѣ Польскомъ недвижимыхъ имуществъ: земель, лѣсовъ, заводовъ и каменно-угольныхъ копей, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ окажется нужнымъ. Это главные источники, кромѣ поземельнаго налога, налоговъ, существующихъ въ царствѣ съ прочей недвижимой собственности, и выручки отъ пропинаціоннаго права. Затѣмъ, въ указѣ, исчислены и другіе источники на усиленіе погашенія ликвидаціонныхъ листовъ и на непредвидимыя по ликвидаціонной операціи надобности. Вообще же, исправный платежъ процентовъ по ликвидаціоннымъ листамъ, выпускаемымъ комиссіей, ежегодное, непрерывное погашеніе сихъ листовъ въ извѣстномъ размѣрѣ и окончательное погашеніе всѣхъ выпущенныхъ ликвидаціонныхъ листовъ въ опредѣленный срокъ—все это обезпечивается всѣми средствами и всѣмъ достояніемъ царства Польскаго.

Для оцѣнки подлежащихъ вознагражденію крестьянскихъ повинностей, всѣ крестьянскія усадьбы раздѣлены на два разря-

да: къ первому причислены тѣ усадьбы, въ которыхъ отбывалась недѣльная барщина или уплачивался, въ замѣнъ ея, окупъ, а ко второму тѣ, въ которыхъ не отбывалось барщины и окупа не уплачивалось. Изъ введенной цѣнности повинностей съ усадьбъ перваго разряда скидывается одна треть, а съ усадьбъ втораго разряда пятая часть, какъ постановлено и въ имперіи при выкупѣ крестьянами ихъ полевыхъ надѣловъ. Оцѣнка производится черезъ переводъ урочныхъ работъ на число рабочихъ дней пѣшихъ и упряжныхъ, а послѣднихъ на деньги, равно и хлѣбнаго сбора (ржи, ячменя, овса и т. д.), оцѣнка котораго основывается на табели нормальныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ разныхъ уѣздахъ и округахъ царства. Мелкіе поборы съ крестьянъ (каплунами, гусями, курами, яицами, грибами, холстомъ и т. п.), такъ называемыя данины, всякаго рода даремщины и принудительныя наймы, наконецъ пошлыны, извѣстныя подъ наименованіемъ лаудемій и господской копѣйки, въ оцѣнку не полагаются. Но для устраненія несоразмѣрности суммы вознагражденія съ доходомъ, который могъ бы получать помѣщикъ съ земель, отошедшихъ въ пользованіе крестьянъ, смотря по количеству и качеству земли, постановлено, что подлежащая вознагражденію повинность не должна, ни въ какомъ случаѣ, превышать, съ каждаго морга земли, приобретаемой крестьянами въ собственность, слѣдующихъ высшихъ размѣровъ, принятыхъ для четырехъ отдѣловъ, на которые раздѣлено царство, а именно: въ первомъ отдѣлѣ 1 р. 20 коп., во второмъ 1 р. 10 коп., въ третьемъ 1 р., въ четвертомъ 90 коп. Для опредѣленія вознагражденія, слѣдующаго владѣльцу имѣнія, годовыя повинности со всѣхъ занятыхъ крестьянами усадьбъ, ему принадлежавшихъ и составляющихъ одно селеніе или одну колонію, приводятся въ тотъ размѣръ, который подлежитъ вознагражденію. Затѣмъ исчисленная на такомъ основаніи повинность капитализируется изъ 6%, т. е. помножается на $16\frac{2}{3}$. Ликвидационный капиталъ вручается помѣщику въ видѣ ликвидационныхъ листовъ на предъявителя, въ 1,000, 500, 250 и 100 р., приносящихъ ежегодно четыре процента и погашаемыхъ посредствомъ тиража. Для поддержанія цѣнности ликвидационныхъ листовъ, купоны отъ нихъ, по которымъ наступилъ срокъ платежа, будутъ приниматься казною какъ наличныя деньги; иностраннымъ владѣльцамъ купоновъ предоставлено одинаковое съ мѣстными жителями удовлетвореніе, даже въ

случаѣ войны съ тѣмъ государствомъ, подданными котораго они состоятъ.

Остается сказать о безземельныхъ крестьянахъ, преднамѣренно созданныхъ эгоистическою политикою польской шляхты. Вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ ихъ судьбы сопряжено съ едва-одолимыми затрудненіями и препятствіями. Такихъ крестьянъ считается въ царствѣ, какъ уже сказано, болѣе 1,338,000. Надѣлить ихъ всѣхъ землею очевидно нѣтъ физической возможности: для надѣла такой массы не достало бы ни земли, ни денегъ. Самое водвореніе ихъ, самый переходъ подобныхъ бобылей отъ вѣковой бродячей жизни къ осѣдлости и тяжелому земледѣльческому труду—это такая задача, надъ успѣшнымъ рѣшеніемъ которой призадумается опытнѣйшій умъ. Тѣмъ не менѣе, высочайшимъ указомъ обезпечивается, по возможности, участь и безземельныхъ крестьянъ, именно тѣхъ изъ нихъ, которые своею добродорядочною жизнію, трезвостію, бережливостію и покорностію законнымъ властямъ обратятъ на себя вниманіе начальства. Такимъ безземельникамъ разрѣшено отводить, за умѣренную плату, въ пользованіе, и даже продавать въ собственность, небольшіе участки какъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, такъ и изъ нынѣшнихъ крестьянскихъ пустоковъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, число опустѣвшихъ участковъ доходитъ слишкомъ до 12,500; но, вѣроятно, ихъ окажется гораздо больше. Во всякомъ случаѣ, эта благотворная мѣра если не искоренитъ въ царствѣ сельскаго пролетаріата, то значительно уменьшитъ его размѣры.

Для скорого и успѣшнаго приведенія въ дѣйствіе высочайшихъ указовъ 19-го февраля, приняты особыя мѣры, по важности сихъ постановленій и по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ нынѣ находится царство Польское. Первоначальныя распоряженія по обнародованію указовъ объ устройствѣ крестьянъ и по открытію сельскихъ и гминныхъ обществъ возложены на намѣстника, а дальнѣйшее приведеніе указовъ въ дѣйствіе поручено особымъ временнымъ учрежденіямъ, именно: учредительному комитету, ликвидаціонной комиссіи и комиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Учредительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, имѣетъ высшее завѣдываніе всѣми дѣлами, касающимися устройства крестьянъ и сельскаго управленія въ царствѣ. Въ каждой губерніи учреждаются ком-

миссіи по крестьянскимъ дѣламъ, отъ одной до четырехъ, смотря по надобности. Для опредѣленія количества земли, поступающей въ собственность крестьянъ, и вознагражденія, причитающагося въ пользу помѣщиковъ за отмѣненные повинности крестьянъ, составляются ликвидаціонныя таблицы по формѣ, утвержденной учредительнымъ комитетомъ; но, до открытія комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, каждый владѣлецъ можетъ, если признаетъ это для себя удобнымъ, представить составленный имъ самимъ проектъ ликвидаціонной таблицы. На представленіе проекта таблицы положенъ годовой срокъ со дня первой публикаціи о томъ во „Всеобщемъ Дневникѣ“ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Проектъ ликвидаціонной таблицы прочитывается крестьянамъ, отъ слова до слова, на сельскомъ сходѣ, въ присутствіи мѣстнаго солтыса и трехъ постороннихъ свидѣтелей, преимущественно солтысовъ сосѣднихъ деревень, вызванныхъ участковымъ комиссаромъ (или временнымъ отдѣленіемъ). Для окончательнаго утвержденія, ликвидаціонныя таблицы поступаютъ въ учредительный комитетъ.

Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ будутъ открываться по мѣрѣ водворенія спокойствія въ краѣ; до тѣхъ же поръ крестьянамъ предоставлено обращаться, съ просьбами, жалобами и недоумѣніями, къ уѣзднымъ военнымъ начальникамъ.

Если бы приведеніе въ дѣйствіе высочайшихъ указовъ возложено было на польскихъ чиновниковъ, то и съ этими указами, быть можетъ, случилось бы то же самое, что было съ указомъ 1846 года. Цѣль осталась бы не достигнутою. Потому исполненіе высочайшей воли возложено на избранныя въ имперіи лица, на людей, близко знакомыхъ съ условіями, необходимыми для окончательнаго приведенія въ дѣйствіе обнародованныхъ указовъ. Статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, главный дѣятель по разработкѣ вопроса о польскихъ крестьянахъ, уже находится въ Варшавѣ.

Верховная власть сдѣлала, съ своей стороны, все возможное для успѣшнаго осуществленія великой для крестьянъ царства Польскаго реформы. Да увѣнчаются же благія предначертанія ея отраднымъ успѣхомъ! Этого искренно желаютъ всѣ русскіе люди, сочувствующіе судьбѣ польскихъ поселянъ, пребывшихъ вѣрными законному правительству, несмотря на всѣ усилія революціонеровъ подвигнуть ихъ къ мятежу.

* * *

F

24.051